

УДК 81-111

Шарапкина А. А.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ В РОМАНЕ Т. МЭЛОРИ "СМЕРТЬ АРТУРА": ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена лингвистическим особенностям репрезентации власти в романе Т. Мэлори "Смерть Артура" в контексте культурно-исторической ситуации, предшествовавшей созданию романа. Особенно важным было подчеркнуть разницу между языковыми способами выражения власти самого короля Артура и власти женщин в романе.

Ключевые слова: концепт, власть, глагольные категории, стилистически маркированные единицы, личная идентичность (Король Артур) и самоидентификация страны (Британия).

Шарапкина А. А. Мовні особливості репрезентації влади у романі Т. Мелорі "Смерть Артура": гендерний аспект. *Стаття присвячена лінгвістичним особливостям репрезентації влади в романі Т. Мелорі "Смерть Артура" в контексті культурно-історичної ситуації, що передувала створенню роману. Особливо важливим було підкреслити різницю між мовними способами вираження влади самого короля Артура і влади жінок у романі.*

Ключові слова: концепт, влада, дієслівні категорії, стилістично марковані одиниці, особиста ідентичність (Король Артур) і самоідентифікація країни (Британія).

Sharapkina A. A. The linguistic peculiarities of representing power in T. Malory "Le Morte Darthur": the gender perspective. *The present paper is devoted to linguistic peculiarities of representing power in the novel of T. Malory "Le Morte Darthur" as corresponding to cultural and historical background of the period of creating the novel and before it. It was crucial to stress the difference between the means of expressing power in case of the image of King Arthur and women in the novel.*

Key words: concept, power, categories of a verb, stylistically marked elements, from personal identity (King Arthur) to country identity (Britain).

Опубликованный В. Кэстоном в 1485 г. роман "Смерть Артура" Т. Мэлори стал важным этапом в развитии Артуровского цикла, а также самого рыцарского романа. Автору удалось сохранить важнейшие семантические акценты значимых культурных образов и предложить их новую интерпретацию, придать им новое звучание, оживив "короля прошлого и грядущего". Текст романа как материал исследования представляет собой

интересное языковое явление, так как создавался в переходный период истории английского языка от среднеанглийского к раннеанглийскому, поэтому многие языковые явления романа и сам роман представляют, по выражению В. М. Жирмундского, "превосходный памятник раннеанглийской литературы именно XV в., быть может, единственный, но неоспоримый вклад той эпохи в "золотой фонд" английской классической литературы, и сегодня, как мы можем убедиться, *не окаменелость, а живой художественный организм*" [8,5]¹. Многие элементы повествования уходят своими корнями вглубь истории – ко времени кельтской цивилизации, часто сохранившейся только в виде мифов и сказаний, принятых и переосмысленных германским населением и передаваемых наравне со своими легендами. Главным источником богатой исторической и культурной информации является язык, значимые лингвистические элементы. Можно сказать, что Артуровский цикл соткан из разнообразных элементов, которые переплетены друг с другом и представляют собой очень сложное, многогранное явление; поэтому его исследование ставит перед собой ряд проблем и тем актуальнее изучение именно языковых особенностей и использование лингвистических методов анализа: метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки, метод анализа дефиниций. Актуальность исследования также обусловлена и вниманием к Королю Артуру, как личности и к символу, лежащему в основе своеобразия (identity)² всей нации, а значит и целой страны. Целью нашего исследования было показать на основе анализа текста, что многие концептуальные смыслы романа находят свое воплощение на языковом уровне, а многие, такие, как женская власть, только на нем.

¹ В отличие от того материала, как лингвистического так и археологического, который привлекала Н. А. Ганина при изучении крымско-готских реликтов, хранящих в себе знания об истории и культуре [2].

² Такое определение этому важному понятию лингвокультурологии дает Т. А. Комова "Identity can be understood as a total sum of our accumulative knowledge about ourselves, where we come from and where we do belong now, the language we speak, the habits of the heart we share with others, our vision of the past and our hopes for the better future, etc. Thus structurally the mental lexicon of IDENTITY can be represented as identity by the land, identity by the language [6: 6].

Одним из мотивов, ведущих свое происхождение из глубин древности, является мотив власти, неизменно связанный с ее обладателем и воплощением – Королем Артуром. Именно он является объектом нашего исследования. Понимание власти менялось с течением истории и эти изменения не могли не отразиться в произведениях словесности. Можно сказать, что элементы властности и роль субъекта в обществе, по-разному осмысляемые в каждую историческую эпоху, принадлежат к прототипическим чертам образа Короля Артура. Так, в более ранних произведениях, как например, сказке "Килох и Олвен", вся полнота власти принадлежала королю Артуру, источником которой служила его физическая мощь и ратная доблесть, а сферой применения – военные действия. Это репрезентировалось с помощью употребления глаголов действия.

Мотив власти был связан и с репрезентацией пространства, когда средоточие власти совпадало с центром земель [9, 333-341]. Символика "центра земель стала связываться с концепцией высшей царской власти, когда чрез идею равновесия и гармонии, воплощенную в Центре, в символику Центра входит также идея справедливости" [12, 179]. Эта идея справедливости и законности власти соотносится с образом Артура на протяжении столетий. Она, выступает гарантом единства всех земель и основой государства. Артур, наделенный властью, структурирует все известное пространство, также он движется в неизвестном пространстве, подчиняет его через физическое действие и тем самым умножает свою власть: *with his swerd he (Arthur) smote of bothe their hedes* (96).

Несмотря на объединяющий характер власти для произведений артуровского цикла разных периодов, ее источники, а значит характер, правила и номы поведения, значимость для литературного произведения, различаются. Анализ текста романа "Смерть Артура" дает возможность выделить следующие источники: это физическая сила, благородное происхождение, знание и связь с иным миром.

Культ ратной доблести, умение искусно владеть оружием, столь характерные для рыцарства, объясняют особое внимание

Т. Мэлори к описанию действий с Экскалибуром, который был дарован Артуру Леди Озера.

Представительницы женского пола даруют Артуру магическую силу, передав ему волшебный меч, наделив данный артефакт из 'другого мира' особыми свойствами. Для средневекового романа, впрочем, – это уже рудимент очень древних представлений о "женской природе власти", и женских божествах – покровительницах власти короля, феях из 'иного мира'. Король не является сувереном, но "облекается верховной властью согласно неизменной формуле. Верховная власть обладает женской природой" [12, 158]. Таким образом, акт дарения меча, предшествующий коронации означает провозглашение Артура истинным королем Англии несмотря на тот момент на неизвестные детали его происхождения. Меч часто используется во время военных событий, однако обладает и магической силой, проявляющейся только в отдельных эпизодах: в эпизоде с Леди Озера в самом начале, попытке украсть его Морганой, сестрой короля и волшебницей.

Меч Короля Артура появляется уже в валлийских сказаниях ("Килох и Олвен") и входит в число волшебных, "вещно-фантастических" или шире – ритуальных, культовых предметов кельтской мифологии [10, 27]. При этом, в кельтской картине мира оружие наделялось не только всевозможными магическими свойствами, но и обретало собственное имя, а значит из объекта принадлежности, атрибута владельца превращалось в самостоятельный предмет – артефакт.¹ В романе Т. Мэлори само имя – Экскалибур – получает новое осмысление и из чисто магической этимологии превращается в утилитарное объяснение. В сказании о "Килох и Олвен", где впервые мы находим упоминание о мече Короля Артура, он назывался *Caladwlch*, что многие исследователи связывают с *Caladbolg* (*calad* – яркий и

¹ На важность меча в кельтской культуре и его самостоятельность указывают следующие факты: вместе с мечом передавались и долги его прежнего обладателя, даже если это была кровная месть или убийство; меч мог быть признан обвиняемым на судилище; меч был индикатором правдивости говорящего воина, и если последний лгал – меч обращался против него. См. "Болезнь Кухулина: "...у каждого воина сбоку висел меч, и, если воин лгал, острие меча обращалось против него. Так меч был поруккой правдивости воина" [4, 167].

bolg – свет, то есть в "ярко сверкающий" [14, 130]. Мэлори дает иную этимологию: *The name of it said the lady is Excalibur that is as moche say as cut stele* (80). Таким образом, подчеркиваются его характеристики, именно как боевого меча. Однако, при любой интерпретации, Эскалибур – это значимый артефакт королевской власти.

Мерлин первый открывает ему тайну меча, но предупреждает короля, однако, и о силе, заключенной в ножнах: *Ye ar the most unwise, for the scawberde ys worth ten of the swerde; for whyles ye have the scawberde upon you, ye shall lose no blood, be ye never so sore wounded* (38).

В целом глаголы, описывающие действия с мечом, особенно часто встречаются в начале романа, когда Артуру все же приходится доказывать свое право на трон в условиях военных действий: *fighte with a swerd*: *How kyng arthurs swerde that he faught wyth brake & how he recouerd of accolon his owne swerde excalibur and ouercame his enemy* (7); *laye on with a swerd*: *Alweyes Kyng Arthur on horsback leyd on with a swerd and dyd merueilleous dedes of armes that many of the kynges had grete ioye of his dedes and hardynesse* (47).

При этом он жестоко подавляет сопротивление вассалов: *and haue brent & slayne al the peple that they may come by withoute mercy / and haue leyd syege on the castel of wadisborow* (65) Важно, что именно такое поведение короля понималось как законное и единственно правильное: мир для средневекового человека – это не отсутствие насилия, а выполнение закона, которое могло потребовать и применения силы¹. Впрочем, Артур прислушивается к мнению Мерлина проявить милость к побеждённым и не убивать столько рыцарей, а значит быть не только сильным, но и справедливым и милостивым, что указывает на мудрость короля: *Also ye shold gyue mercy vnto them that aske mercy / for a knyzt withoute mercy is withoute worship* (108).

¹ Сравним замечание по поводу закона в германском обществе П. В. Имминка: "the key to the problem of Germanic political organization is to be found in the Germanic conception of peace. **Peace in this sense does not signify the absence of violence, but it means the rule of law.** So, as that maintenance of the rule of law may actually require the use of violence, peace is not necessarily broken by it. This is even the case in our modern society, where force is often used not to break but to assert the legal order [17, 36].

И, наконец, в заключительной сцене романа, когда Артур приказывает вернуть волшебный меч в озеро, из которого он и был получен, употребляется сочетание *caste a swerd* в следующем контексте: *How Kyng Arthur comanded to caste his swerd excalybur in to the water* (34).

Если на основе глаголов действия выстраивается ядро концепта социальной власти, то с течением времени этого типа власти становится недостаточно, и в романе мы находим "власть через знание", менее явную, но от этого не менее важную для повествования.

Обладание властью через знание принадлежит и Артуру и Мерлину, что объяснимо, если вновь обратиться к истокам ключевых представлений в романе – мифологии. Артур – это королевская, социальная власть. Его знание более земное в отличие от знания Мерлина, которое происходит от друидических практик. При этом исторически, определенная часть друидического знания передавалась молодым отпрыскам королевских фамилий, они занимались воспитанием и обучением, открывали тайны природы (познания в астрономии и астрологии), человеческой жизни, учили выполнению своих обязанностей, "из которых главная состояла в том, чтобы быть воином и уметь умирать. Хотя сами друиды были освобождены от воинской службы, они тем не менее воспитывали молодежь воинственного народа, поскольку были *воинами знания*" [12,122]. Частично разделение власти через знание между Мерлином и Королем Артуром происходит как сохранившийся элемент кельтской традиции ученика и наставника, который передает свои знания устным путем. Поэтому и роль Мерлина в первых частях романа очень значима, и именно он выступает в роли советника Артура по многим вопросам.

Мерлин – это власть по своему источнику мистическая, ведущая свое происхождение от учения друидов. Данный тип власти репрезентируется через глаголы знания и мышления, которые, в отличие от глаголов действия, употребляются в настоящем времени: *I sawe / that **knowe I wel** said Merlyn as wel as*

*thy self and of all thy thoughtes<...> Also **I knowe** what thow arte / and who was thy fader / and of whome thow were begoten* (67).

Соотношение употребления формулы **I knowe** в настоящем времени единственном числе 1 лице весьма показательно: в речи Мерлина употребляется 16 раз, а в речи Короля Артура – 14.

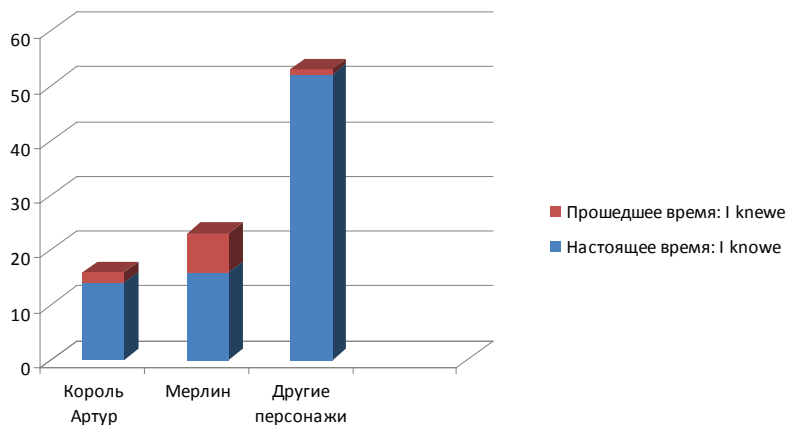

Рис. 1 Соотношение употребления глагола knowe в настоящем и прошедшем времени в первом лице единственного числа.

Исторически эти два типа власти должны были находиться в тесной взаимосвязи, когда ни одна из них не получала преимущества над другой. Подобное взаимоотношение прослеживалось и в ритуальной символике древних кельтов: двумя ключевыми символами власти были: медведь и вепрь. Р. Генон указывал, что вепрь символизирует власть друидов, а медведь – власть короля, [21, 156-162]¹. Для этого он анализиро-

¹ "...et la forêt de Calydon ne diffère pas en réalité de celle de *Brocéliande*, dont lenom est encore le même, quoique sous une forme un peu modifiée, et précédé du **mot bro ou bor** c'est-à-dire du nom même du sanglier. Il convient d'ajouter que les deux symboles du sanglier et de l'ours n'apparaissent pas toujours forcément comme étant en opposition ou en lutte, mais que, dans certains cas, ils peuvent aussi représenter l'autorité spirituelle et le pouvoir temporel, ou les deux castes des druides et des chevaliers, dans leurs rapports normaux et harmoniques, comme on le voit notamment par la légende de *Merlinet d'Arthur*. **En effet, Merlin, le druide, est encore le sanglier de la forêt de Brocéliande** (où il est d'ailleurs finalement, non pas tué comme le sanglier de Calydon, mais seulement endormi par une puissance féminine) ; et le roi Arthur porté un nom dérivé de celui de l'ours, **arth**; plus précisément, ce nom est identique à celui de l'étoile **Arcturus** en tenant compte de la

вал свидетельства античных авторов, археологические данные и топонимику современной Франции. Данная точка зрения представляется весьма правдоподобной, поскольку одной из интерпретаций этимологии имени Артура является корень *arth* (*arthos*), который означал медведя и мог встречаться и в других повествованиях как имя собственное. Вот как об этом говорится в энциклопедии персонажей кельтских сказаний: "...although it might have Celtic origins, coming from *artos viros* meaning 'bear man', or from *artaiois*, or even from *Artos*, an obscure character who also has connections with a bear cult" [14, 30]. Также в уже упомянутой сказке "Килох и Олвен" встречается бой Артура и чудесного вепря. Видимо, этот эпизод отражал уже возникающие напряжения между королевской и друидической властью.

В речи Мерлина, обладающего даром не только прозревать прошлое, скрытое для простых смертных, но и предвидеть будущее, мы часто встречаем советы или предсказания, в которых особую роль играют разнообразные оттенки модальности: *said Merlyn / for I shalle dye a shameful deth / to be put in the erthe quyck / and ye shall dye a worshipful deth* (68).

Поэтому данная формула *I knowe* употребляется в широком контексте будущего времени, неотделимого от категории модальности, из которой оно возникло и сохраняет тесные связи в современном английском языке [6, 26]. В исследовании Е. В. Ильчук по семантике глаголов мнения (*find*, *consider*, *reckon*), которые близки семантике рассматриваемого *knowe*, подчеркивается, что форма 1 лица ед. числа является своеобразным эпистемологическим показателем [3, 25]. Для исследования текста "Смерть Артура" преобладание именно формы 1 лица ед. числа становится значимым, поскольку входит в круг показателей, которые показывают отношение говорящего к сообщаемому. Знание и мнение или предположение оказываются на разных полюсах.

По отношению к Королю Артуру, глагол *knowe* выполняет еще одну интересную функцию: провозглашения его известности, его славы и авторитета, как результата силы и знания.

légère différence due à leurs dérivations respectivement celtique et grecque (выделение и курсив – мои А. Ш). [21, 157].

Так он употребляется в пассивном залоге: *King Arthur is knowen* (79); *god will make hym knowen* (41); *In the begynnynge of Arthur after he was chosen kyng by aduēture and by grace for the most party of the barons knewe not that he was Vther pendragons sone / But as Merlyn made it openly knowen* (101).

Третьим типом власти, наиболее скрытым и незаметным для непосредственного восприятия и оценки слушателями или читателями, является власть женщины, которой не отведена ведущая роль в развитии сюжета, как области действий, онтологически закреплённой за мужчинами. Хотя, мы уже упоминали власти подательниц, таких как Леди Озера и их функции в повествовании.

Интересно, что, по мнению многих исследователей, роль женщин в романе расценивалась, как дополнительная, орнаментальная: они появляются, когда это необходимо повествованию и исчезают чтобы дать возможность действовать другим рыцарям или подтолкнуть их к действиям. Роман "Смерть Артура" характеризовался как: "masculinist work" [13, 6]. "A male-centered world" [16, 55].

Здесь важно обратить внимание, что у Т. Мэлори, в отличие от его предшественников, в клятве ордена рыцарства акцент ставится даже не только и не столько на защите Веры и Церкви, что было традиционным у его предшественников, но и в том числе, на защите дам от неправды и несправедливости: *Also by no meane to be cruel / but to gyue mercy vnto hym that asketh mercy vpon payn of forfeiture of their worship and lordship of kyng Arthur for euermore / and alweyes to doo ladyes / damoyseles / and gentylwymmen socour vpon payne of dethe / Also that no man take noo batails in a wrongful quarel for noo lawe ne for noo worldes goodes / Vnto this were all the knyghtes sworne of the table round both old and yong / And euery yere were they sworne at the hyghe feest of Pentecost.* (119)

Таким образом, данная клятва говорит о том, что: "текст Мэлоривсежеотличаетсяотдругихартуровскихисредневековых романов тем, что в нем дано эксплицитное законоположение (в отличие от имплицитного означивания) рыцарских ценностей"

[13, 9]¹. Через эту клятву дается как характеристика рыцарства, так и характеристика средневекового общества с его четким распределением ролей. Средневековый роман сразу задает систему ценностных координат, а как отмечается в работе Ткаченко О. В.: "...честь в традиционных обществах, являет собой, образно говоря, "метафизический, сверхчеловеческий стержень" личности, на который она "нанизывает" те индивидуальные качества, которые считает для себя значимыми" [11, 3]. Более того, сразу задается и важность женского начала для понимания целостной картины романа. С первых страниц своего повествования сам Т. Мэлори показывает, что дамы займут не последнее место в романе, поэтому сводить их роль к орнаментальной неправомерно. Мак Лей пишет, что "именно потому, что женщины присутствуют только тогда, когда это необходимо, то важны даже незначительные детали" [20]. И детали эти необходимо искать на языковом уровне, но не на уровне сюжета, поскольку роль мужчин в повествовании связана со сферой действия, что было показано на основе анализа глаголов. Роль женщин обусловлена их красотой, но, что более интересно, со сферой "значимого слова": совета, просьбы, обвинения, которое содержит особые лингвистические маркеры.

Воплощением женской власти в романе является Гвенивера, а ее сила заключается в ее красоте, устоять перед которой Король Артур оказывается не в силах, а потому и берет ее в жены, впервые послушавшись совета Мерлина. Прототипом к образу Гвениверы в валлийских легендах служит Гвенвифар (этимология ее имени означает "белый призрак" или "белый фантом") что позволяет соотнести ее с амбивалентным образом белой Богини, связанной с властью над жизнью и смертью [5, 108]. У Т. Мэлори сохраняются изначальные характеристики образа: это неверность (самая неверная из всех жен Британии) и невероятная, страшная, неземная красота. Для мифа подобная демоническая красота – знак потусторонности ее обладательницы, поэтому "превалирование мистических и

¹ However, Malory's text differs from other Arthurian and medieval romance literature in the explicit legislation (as opposed to implicit coding) of chivalric values, most notably in the swearing of the Pentecostal Oath, an event unique to Malory's text.

магических черт ассоциируется с женским миром, так как сила, которой они обладают иногда столь неуловима, что почти не осознается как власть вообще.." [18]¹.

Рассматривая корни власти Гвениверы при дворе, исследователи отмечают, что "ее преимущество заключается в ее красоте, ибо через нее она владеет двумя самыми сильными мужчинами королевства" [15, 72]. Лакоф пишет, что в литературе мы "вновь и вновь встречаем эту тему: для женщины ее красота – драгоценный и, фактически, ключевой ресурс; для мужчины обладание красивой женщиной стоит любых опасностей и может быть заслужено только самым отважным, истинным воплощением мужественности" [19, 23]².

Гвенивера впервые упоминается, когда Король Артур помогает Леодегрансу – отцу девушки в военной кампании: *And thenne had these thre kynges grete chere of kyng Lodegreaunce / that thanked them of their grete goodnessse that they wold reuenge hym of his enemyes / and there hadde Arthur the fyrst syght of gweneuer the kynges doughter of Camylyard / and euer after he loued her / After they were weddyd as it telleth in the booke* (64). Королева вводится как важный персонаж для главного героя произведения – Короля Артура. Предвосхищая события, автор ссылается и на книгу, где будет описана королевская свадьба.

Однако не только особая красота заставила Короля Артура выбирать Гвениверу в жены, но и наличие Круглого Стола, в качестве приданного. Таким образом, вновь через женщину он получает еще один важнейший артефакт власти, который дается ему в полное владение – магический стол после смерти остается во дворце Артура и его не приходится возвращать, как меч. А значит, это уже земная власть правителя, сохраняемая после смерти, а не даруемая на некоторый срок: *ye said kyng Arthur / I loue gweneuer the kynges doughter Lodegrean of the land*

¹ "the women of Arthur's world powerful creatures, which may explain the prevalence of mystical and magical qualities associated with the female realm, since the power that women wield is, at times, so subtle it is hardly recognized as power at all".

² "Again and again we find the dual theme: for a woman, beauty is a precious, in fact crucial, resource; for a man, a beautiful woman is worth undergoing every risk to possess, and the possession of such a woman is deserved only by the truly valiant, indeed a badge of manhood"

*of Camelerd / the whiche holdeth in his hows the table round that ye told he had of my fader Vther / And this damoyssel is **the moost** valyaunt and **fayrest lady** that I knowe lyuynge or yet that euer I coude fynde (101) .*

Не менее интересна и еще одна деталь – Круглый стол не просто переходит к Королю как приданое, но возвращается, ибо ранее он принадлежал отцу Артура, Утеру Пендрагону, и видимо, был передан роду Леодегранса либо за какие-то услуги, либо при династических браках.

На некоторое время развития сюжета Гвенивера исчезает и появляется в эпизоде с Пеллиномом, первом ключевом эпизоде, где мы отмечаем и еще один аспект женской власти – через значимое слово в действии. Рыцарь Пеллином не смог помочь одной безымянной героине и тем самым предотвратить ее гибель. После этого оказывается, что последняя была его утерянной дочерью. Гвенивера произносит: *A syr Pellinore sayd quene Gweneuer ye were gretely **to blame** that ye saued not this ladyes lyf* (118). Интересно, что эта короткая реплика содержит в себе не просто упрек рыцаря в том, что он не защитил даму, а обвинение в невыполнении "кодекса чести всего рыцарства", что означало тяжелейшее нарушении закона. Подобное заявление при дворе было равносильно приговору, что подтверждается употреблением именно глагола **blame**, который причисляется к галлицизмам в рыцарских романах и обычно выполняет дополнительные стилистические функции. Так, употребление этого глагола в поэме "Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь" указывает на юридическую терминологию сцены обвинения Гавейна в предательстве: *2368. Bot for 3e lufed your lyf; pe lasse **I yow blame***, а значит служит стилистически маркированным элементом, как было показано в исследовании функционального соотношения исконной и заимствованной лексики в упомянутом романе [1, 204]. Глагол **blame** (стфр. bla(s)mer), распространенный в англо-французском и с XIII века – в среднеанглийском, действительно мог употребляться как юридический термин, ср. пример в словаре среднеанглийского языка: *When John Lyllyng was examynid and **blamed** for yat fals tyn.* – "Когда Джон Лиллинг

был допрошен и обвинен за <изготовление> поддельного олова" [MED] Также встречался и более близкий к французскому дериват данного глагола: *blasmer*- "приговорить решением суда" [1, 204]. Интересно, что употребление глагола *blame* и его особая эмоциональная насыщенность, а также и юридически– направленные значения видимо происходят от оценочного старофранцузского *blasmer*, которое употреблялось в хрониках Крестовых походов для выражения отрицательного отношения к рыцарям-отступникам. Как отмечается в статье А. О. Манухиной, в которой рассматривается специфика оценочных лексем в текстах хроник 13-14 веков, "глагол *blasmer* , актуализирует значение "судить и объявлять, что кто-либо достоин порицания" и выражает этическую рационалистическую оценку" [7, 72]. На анализе примеров из хроники Вильярдуена XIII исследователь показывает, что видимо посредством оценочных глаголов в безличных конструкциях (чаще всего) автор "осуждает трусость крестоносцев, предательство, нарушение верности сеньору – проявление тех пороков, которые осуждаются кодексом чести рыцаря" [7, 73].

Употребление данного глагола в тексте Мэлори входит в семантическое поле "worth-shame-order-oath-law". Каждый рыцарь находится в жесткой системе правил и ищет славы и должен избегать позора, стыда. Для достижения первой он должен следовать кодексу чести, произнесенном в начале романа. Текстовое закрепление и многократное повторение в романе того, что *должно* осуществить рыцарю создавало ясную сетку координат, и более того как отмечает О. В. Ткаченко: "во время наибольшего подъема культуры стран Западной Европы (начиная с эпохи Возрождения), имела место *идеализация* качества чести, своего рода многократный культурный резонанс, максимализирующий поведение героев (погоня за подвигами) и проявляющийся как во всё возрастающем влиянии шедевров мировой культуры на жизнь последующих поколений с одной стороны, так и во влиянии памятников культуры на авторов новых произведений, воспринимающих высший уровень героизма, чести, достоинства как базовый" [11, 3]. При этом в роли 'судий',

своеобразных регуляторов справедливости, в романе часто выступают женщины.

Еще один показательный пример, когда Сэр Эдвард и Сэр Хью отбирают земли у одной дамы, напрямую нарушая закон, и она обращается за помощью к одному из рыцарей Короля Артура. В данном контексте мы вновь находим употребление галлицизма *compleynt*, которое было заимствовано и старофранцузского и одним из значений этого слова было и юридически терминологическое: "A statement of grievances, esp. a formal charge or complaint presented to a court or some other authority" [MED]. На протяжении романа женщины обладают правом обратиться к любому из рыцарей Короля Артура с просьбой о помощи и для свершения правосудия.

And these two bretheren had disheryted¹ the lady of the roche of a Baronry of landes by their extorsion / And as this kny3t was lodged with this lady she made her compleynt to hym of these two knyghtes / Madame sayd syr Vwayne / they are to blame / for they doo ageynst the hyghe ordre of knyghthode & the othe that they made / And yf hit lyke yow I wille speke with hem by cause I am a knyghte of kyng Arthurs / and I wylle entrete them with fayrenesse / And yf they wylle not I shalle doo bataille with them and in the defense of youre ryghte / gramercy sayd the lady / and there as I maye not acqyute yow / god shalle (158).

Гвенивера, будучи женой короля, играет роль так называемой "good lady" – сочетание, имевшее значение практически равное термину, как утверждает Ходжес [16, 62]. Возможно, оно было образовано по аналогии с "good lord", которое употреблялось по отношению к королю, как гаранту законной власти и покровителю народа: "good lord, excellent ruler; his (your) ~ lordship, his (your) excellency" [MED]. Это означало, что королева выполняла роль покровительницы при дворе для своего рода и рода ее мужа, помогая тем или иным рыцарям добиться успеха при дворе или защищая некоторых от несправедливых обвинений. Она, часто не имея, как и многие другие женщины собственной политической роли при дворе короля, могла

¹ To dispossess (sb.) of an inheritance; deprive or despoil (of land, possessions, privileges, office, etc.) [MED]

действовать посредством совета или упрека в рамках рода или круга подчиненной знати – ladyship. То есть вновь через слово, но не через действие. Также, данное сочетание употреблялось и в поэзии, когда поэт обращался к его покровительнице, которая в культуре трубадуров и труверов часто была королевского рода: *..if I love **my good lady**; for without her I cannot live...*[25].

Значимое слово по своей роли в романе может быть приравнено к действию. Умение принимать решения в соответствии с коллективной мудростью и руководствуясь прежде всего законом, стало важнейшим фактором развития страны и укрепления власти самого короля. Круглый Стол, который Король Артур получает, как приданое Гвениверы также является воплощением, артефактом мирного земного правления через совет с достойнейшими рыцарями государства. Поэтому столь важными элементами становятся концепты *counsel* и *advice*, проанализированные в работе Мередиث Рейнольдс [22, 76]. Ведь как только он перестает слушать советы своих соратников, теряет возможность обратиться к Мерлину и начинает действовать под влиянием эмоций (в том числе и после возможной измены Гвениверы), он теряет власть, а в конечном итоге – жизнь.

Выводы. Таким образом, концепт власти в романе Т. Мэлори имеет несколько основных воплощений. Его репрезентация достигается разнообразными средствами на нескольких уровнях языковой системы. Власть через действие и знание находит воплощение в глагольной семантике, модальных предикатах; власть через красоту репрезентируется посредством прилагательных, описывающих Гвениверу. Власть через слово находит свое отражение в прямой речи женщин и выражается с помощью использования этимологически маркированных единиц, относящихся к сфере судебной лексики. Подчеркивается и важность артефактов власти – меча Эскалибура и Круглого Стола, однако их роль в контексте произведения различна. Так исследование затрагивает историческую перспективу в исследовании представлений о власти, а также возможных способах ее реализации в языке. Не менее важно, что разработка исторического материала с позиций современной лингвистики,

признающей тезис о хранении важнейших знаний в языке и тексте о самоидентификации через знание, открывает перспективу исследования языка как хранителя и носителя знания. Знания, которое уже ушло в далекое прошлое и, возможно, сохраняется только в археологических реликтах. Литературное произведение же, это "*живой организм*", поэтому знание, сохраненное в языке – это всегда живое знание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волконская М. А. Язык среднеанглийской поэмы "Сер Гавейн и Зеленый рыцарь": традиционные поэтизмы и заимствования в их функциональном взаимодействии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: 2012.
2. Ганина Н. А. Крысчко-готский язык. СПб: Алтейя, 2011.
3. Ильчук Е. В. Мышление и восприятие сквозь призму языка М.: Прометей 2004.
4. Ирландские саги / пер., вступ. Ст. И коммент. А. А. Смирнова. М.; Л.: Гослитиздат, 1961.
5. Комаринец А. "Энциклопедия короля Артура и рыцарей круглого стола" М., 2001.
6. Комова Т. А. Концепты языка в контексте истории и культуры Курс лекций– 2е издание, с доп.-М.МАКС Пресс, 2005.
7. Манухина А. О. Специфика оценочной характеристики в старофранцузской хронике XIII века как особом средневековом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета, вып. 6 (639) Языкознание. Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012 – С. 71-80.
8. Мэлори Т. Смерть Артура. – М.: Наука, 1974.
9. Подосинов А. В. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки славянской культуры, 1999.-с. 333-341.
10. Предания и мифы средневековой Ирландии // сост., пер., вступ. Статья и коммент. С. В. Шкунаева; под ред. Г. К Косикова. М.: МГУ, 1991.
11. Ткаченко О. В. Феномен чести в европейской и русской культуре : Дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 : Ростов н/Д, 2004 176 с. РГБ ОД, 61:04-9/540
12. Широкова Н. С. Культура кельтов и нордическая традиция античности С-Пб.: Евразия, 2000.
13. Armstrong D. Gender and the Chivalric Community in Malory's Morte d'Arthur University of Florida, 2003.
14. Celtic myth and legend: an A to Z of people and places companion volume by Mike Dixon Kennedy, Blandfor 1996.

15. Fries M. Female Heroes, Heroines, and Counter-Heroes: Images of Women in Arthurian Tradition. *Arthurian Women: A Casebook*. Ed. Thelma S. (ed and introd). Fenster. New York, NY: Garland, lxxvii, 1996. 59-73
16. Hodges K. Guinevere's Politics in Malory's "Morte Darthur" // *The Journal of English and Germanic Philology* Vol. 104, No. 1 (Jan., 2005), University of Illinois Press pp. 54-79
17. Immink P. W. *At the roots of Medieval society.*— Oslo., 1958.
18. Jolene P. Brown, Dr. K. Smith *The Power of Women in Malory's Arthurian Works* 2009 // URL <http://jolenebrownessays.blogspot.ru/2009/10/enl-111-power-of-women-in-malorys.html>
19. Lakoff R. T. "Face value, the politics of beauty" London; USA 1984.
20. McLay A. *Chicks with Swords: Power and Agency in the Morte Darthur* // URL : <http://amymclaypaterson.com/papers/morte.pdf>
21. René Guénon, *Symboles de la Science Sacrée*, Gallimard, Paris, 1962.
22. Reynolds M. L. *Word Choice and Word Concentration in Malory's Works*, a dissertation submitted to the Graduate Faculty of Baylor University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy, 2007
23. *Middle English Dictionary*. URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/med>.

ИСТОЧНИКИ

1. Syr Thomas Malory. *Le Morte Darthur*. Под ред. Ann Arbor, Mich., 1997. URL: <http://name.umdl.umich.edu/MaloryWks2> (Источник: Syr Thomas Malory. *LeMorte Darthur* ed.by Caxton,W.,1485.репринт.byDavidNuttLondon, 1889.)
2. Кургуазная поэзия <http://www.love-poetry-of-the-world.com/medieval-love-poetry-examples1.html>